

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.4>

UDC 81'42:821
LBC 81.055.1

Submitted: 07.08.2020
Accepted: 02.12.2020

**MEANS OF REPRESENTATION OF THE IDIOGLOSSAS
“CHILDREN”, “FAMILY”, “LIFE” IN THE NOVEL BY F.M. DOSTOEVSKY
“THE BROTHERS KARAMAZOV”**

Svetlana M. Kolesnikova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Elena A. Burskaya

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Olga V. Shatalova

Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia

Valentina V. Ledeneva

Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia

Abstract. The article introduces the main idioglossas (“Children”, “Family”, “Life”) of F.M. Dostoevsky’s novel “The Brothers Karamazov”, which are understood as mental and cognitive categories, according to Yu.N. Karaulov, the constants of certain author’s lines in the text, and describes the means of their representation (phonosemantic, lexical, phraseological and syntactic). The study of phonetic shells and the meanings of the words that form considered idioglossas, it is proved that representation in their meanings and words as a psycholinguistic phenomenon exhibits the traits of the writer’s language personality development, his worldview and value system. The author’s choice of exact lexemes and their syntagmatic partners included in the studied idioglossas demonstrates the harmonization of the nature of the language sign: a) the sound supports the meaning; b) the meanings of ‘children’, ‘family’, ‘life’ are interdependent. The novelty of the study is determined by the fact that it defines the semantic components of the idioglossas “Children”, “Family”, “Life” and the means of their representation. On the basis of computer phonosemantic analysis of words, their sound content is characterized. The novelty of the research is connected with the understanding of harmony or disharmony of the language sign and the ideological and aesthetic content expressed in the text by Dostoevsky. The research methods include: the method of system analysis of semantic relations, computer analysis of phonosemantics of words, phenomenological and others. The author reveals the significance of each idioglossa for the implementation of the main concepts of the work, which form its ideological core and indicate the author’s mental and cognitive attitudes aimed at depicting the life of the Karamazov family which reflects the tragedies of the contradictory Russian life. The research results can be applied in the theory of author’s lexicography; in the process of creating mental maps of the Russian language personality based on the description of author’s idioglossas; in teaching university philological courses.

Key words: F.M. Dostoevsky, idioglossa, structure of idioglossa, sound content, phonosemantics, meanings and categories of text.

Citation. Kolesnikova S.M., Burskaya E.A., Shatalova O.V., Ledeneva V.V. Means of Representation of the Idioglossas “Children”, “Family”, “Life” in the Novel by F.M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 47-62. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.4>

**СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИДИОГЛОСС «ДЕТИ», «СЕМЬЯ», «ЖИЗНЬ»
В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»****Светлана Михайловна Колесникова**

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Елена Алексеевна Бурская

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Ольга Викторовна Шаталова

Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Россия

Валентина Васильевна Леденева

Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы основные идиоглоссы романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» – ментально-когнитивные категории (по Ю.Н. Караулову), константы авторских линий в тексте – и описаны средства их репрезентации (фоносемантические, лексические, фразеологические и синтаксические). В ходе исследования фонетических оболочек и смыслов слов, формирующих рассмотренные идиоглоссы, доказано, что их репрезентация как психолингвистический феномен передает черты языковой личности писателя, его картину мира и систему ценностей. Авторский выбор точных лексем и их синтагматических партнеров, входящих в исследуемые идиоглоссы, демонстрирует гармонизацию природы языкового знака: а) звучание поддерживает значение; б) смыслы 'дети', 'семья', 'жизнь' являются взаимозависимыми. Новизна исследования обусловлена тем, что в нем определены смысловые компоненты идиоглосс «Дети» (С.М. Колесникова), «Семья» (В.В. Леденева), «Жизнь» (О.В. Шаталова) и способы их репрезентации; на основе компьютерного фоносемантического анализа слов охарактеризована их звуковая содержательность (Е.А. Бурская); установлены отношения гармонии или дисгармонии языкового знака и выражаемого в тексте Ф.М. Достоевского идейно-эстетического содержания (С.М. Колесникова). В результате показана значимость каждой идиоглоссы для воплощения основных концептов произведения, составляющих его идейное ядро и указывающих на ментально-когнитивные установки автора – изобразить жизнь семьи Карамазовых как зеркало трагедий противоречивой русской жизни. Применение результатов исследования возможно в теории авторской лексикографии, в процессе создания ментальных карт русской языковой личности, в преподавании вузовских филологических курсов.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, идиоглосса, структура идиоглоссы, звуковая содержательность, фоносемантика, смыслы и категории текста.

Цитирование. Колесникова С. М., Бурская Е. А., Шаталова О. В., Леденева В. В. Средства репрезентации идиоглосс «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 47–62. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.4>

Введение

Почти столетие русистика активно изучает язык и стиль авторов художественных произведений в традициях, которые заложены В.В. Виноградовым в ставших классическими работах «Этюды о стиле Гоголя», «О теории литературных стилей», «К построению теории поэтического языка», «О художествен-

ной прозе», развивая их с учетом достижений антропоцентризма (см., например: [Язык художественной литературы..., 2016]). Современная авторская лексикография позволяет оценить масштабы деятельности лингвистов в области целостного описания идиолексикон или представления языковых средств воплощения идейно-художественного содержания отдельных произведений [Гиндин, 2014; Леде-

нева, 2015; Русская авторская лексикография..., 2003].

Языку Ф.М. Достоевского посвящено немало исследований [Аругюнова, 1994; Варзин, 2014; Кожевникова, 2002; и др.], в том числе есть описания ключевых слов в текстах писателя [Зализняк Анна А., Левонтина, Шмелев, 2005; Кожевникова, 1991; 2001а; 2001б; и др.]; все чаще лингвисты обращаются к вопросам взаимодействия основных понятий национального менталитета и концептуальных положений автора, анализируя соотношение с позиций не только когнитивных, но и психолингвистических [Выготский, 1987; Колесникова, 2016, 2019; Леонтьев, 1965; 1969; 2007; Сигал, 2010; Сорокин, 1978; 1985; Уфимцева, 1968; и др.], культурологических [Варзин, 2014; Харина, 2007; Шепелева, 2001; и др.]. Однако в современной русистике еще недостаточно полно охарактеризованы слова и их смыслы, в том числе и звуковая содержательность [Бурская, 2016], в структуре идиоглосс, то есть ментально-когнитивных категорий (по Ю.Н. Караулову) того или иного художественного текста как психолингвистического явления, в то время как идиоглоссами представляются типичные психологические установки автора, детерминировавшие процесс создания текстовой ткани, образной системы произведения и т. д.

Цель нашего исследования – посредством характеристики смысловых компонентов идиоглосс «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе «Братья Карамазовы» определить и описать языковые и психолингвистические способы авторской репрезентации (представления) образов, «идеальных объектов», их свойств, типов отношений и характера действий, поступков персонажей.

Для ее достижения требуется решение следующих задач:

– установить текстовые смыслы, проявляющиеся в романе «Братья Карамазовы» основу концептуальных значений каждой идиоглоссы;

– охарактеризовать разноуровневые средства выражения смыслообразующих понятий в их обусловленности авторскими установками как константами идиостиля;

– описать средства репрезентации ментально-когнитивных установок Ф.М. Достоевского, создавшего образы семьи Карама-

зовых, обрисовавшего типы отношений между героями как зеркало трагедий противоречивой русской жизни.

Материал и методы

Когнитивные технологии активно применяются при интерпретации смыслов и категорий текста (см., например: [Столяр, 2019; Kolesnikova, Burskaya, Chibisova, 2020]), однако считаем целесообразным использовать комплексный анализ идиоглосс («Дети», «Семья», «Жизнь») в романе «Братья Карамазовы», который осуществляется посредством исследования компонентов, входящих в их структуры, и рассмотрения способов их репрезентации. Анализируются в основном значения имен существительных и прилагательных, внутренние свойства знака, семантического признака и семантического компонента, так как именно эти грамматические категории в различном оформлении существуют во всех языках [Колесникова, 2016]. По справедливому замечанию А.М. Пешковского, «все непредметное может быть в языке при помощи определенных грамматических средств опредмечено» [Пешковский, 1956, с. 73], а глагол «сцепляет» речь с мыслью. Различия между глаголом и именем определяются методом системного анализа конкретного лексического наполнения выражаемых ими «признаков» (в широком смысле слова), их семантических отношений. Именно качественные различия значений находят отражение в языке писателя. Семный состав знаменательных слов способствует определению способов репрезентации рассматриваемых идиоглосс через ряд зависимостей: 1) фоновое значение – мыслительный образ – речевой смысл; 2) понятие – семантическая категория – функция – форма языкового знака.

Благодаря фоносемантическим наблюдениям над частотными вербальными экспликаторами понятий, отражаемых идиоглоссами (см. градуальную шкалу, демонстрирующую фоносемантическую картину слова, построенную с использованием сервиса фоносемантического анализа слов (СФАС)), определяется уровень адекватности восприятия реципиентом текста смыслов, заложенных в звуковой оболочке отобранных авто-

ром средств идиолекта, раскрытие которых обеспечивает понимание ключевых идей произведения.

Ведущими методами исследования выступают феноменологический, аксиологический, психокультурный, описательно-аналитический и контекстологический, метод системного анализа, компьютерного анализа, абстрагирования, мысленного моделирования, восхождения от абстрактного к конкретному, а также методы экспериментального исследования (наблюдения, сравнения, измерения и фоносемантического анализа).

Результаты

Идиоглосса «Дети» и ее репрезентанты

Идиоглосса «Дети» и ее репрезентация в языке Ф.М. Достоевского определяются через пару аксиологических понятий, создающих градуальную оппозицию («векторно-антонимический комплекс»), передающую «такой тип отношений, при которых внутренние члены (синонимы)... характеризуются различной степенью (“градусом”) одного и того же признака, а внешние, крайние члены оппозиции (антонимы) представляют собой состоявшийся переход в новое качество, состояние, явление или процесс» [Колесникова, 2016, с. 32]: *любовь – ненависть, сострадание – жестокость, дружба – соперничество* и т. п. В таком лингвометодическом представлении выделяется свойство предмета, явления, действия, выполняющего функцию константного компонента.

Качественно-количественная характеристика выражаемого значения анализируемых языковых единиц представляется в виде градуальной шкалы, передающей самое существенное в их семантической интерпретации. На данной шкале появляются показатели, относительно которых определяется условный «градус» того или иного признака и обнаруживается его субъективная и объективная оценка. Отличительную черту семантики исследуемых языковых единиц и градуальной шкалы оценок составляет динамика их качественно-количественной характеристики.

Приведем примеры, содержащие репрезентанты рассматриваемой идиоглоссы (иллю-

стративный материал из текста романа «Братья Карамазовы», а также отдельные контексты из других произведений):

(1) Чистые в душе и сердце мальчишки, почти еще **дети**, очень часто любят говорить в классах между собою и даже вслух про такие вещи, картины и образы, о которых не всегда заговорят даже и солдаты, мало того, солдаты-то много не знают и не понимают из того, что уже знакомо в этом роде столь юным еще **детям** нашего интеллигентного и высшего общества;

(2) Не смущало его нисколько, что этот старец все-таки стоит перед ним единицей: «Все равно, он свят, в его сердце тайна обновления для всех, та мощь, которая установит наконец правду на земле, и будут все святы, и будут любить друг друга, и не будет ни богатых, ни бедных, ни возвышающихся, ни униженных, а будут все как **дети** божии, и наступит настоящее царствие Христово»;

(3) **Дети** в школах народ безжалостный: порознь ангелы божии, а вместе, особенно в школах, весьма часто безжалостны.

В контексте (2) для дополнительной характеристики смыслов к паре *бедные – богатые* автор вводит субстантивированные причастия *возвышающиеся – униженные*. В «Словаре антонимов русского языка» (Львов) противопоставление отражают пары *возвышать – унижать* (несов. в.) и *возвысить – унижить* (сов. в.), но Ф.М. Достоевский в ходе создания текста «смешивает» образования от глаголов несовершенного и совершенного видов, подчеркивая завершенность процесса для одних (*униженные*) и продолжающиеся, в данном контексте нелицеприятные, действия (*возвышающиеся*) – для других. Противопоставление реализовано и на основе столкновения сем ‘активный’ и ‘пассивный’ в значениях репрезентантов.

Таким образом, в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» идиоглосса «Дети» репрезентируется аксиологическими понятиями (*любовь – ненависть, сострадание – жестокость, дружба – соперничество*), передающими такой тип отношений, при которых определяется художественно значимый в произведении мотив «оборванного детства» и отражается новая качественная характеристика детства – гибельность раннего взросления; взросление представляется как скрытое и нелюдимое. Образ детей

(ребенка) восходит к образу Христа (*дети бо- жии, и наступит настоящее царствие Христово*), в чем отражено авторское сострада- тельное отношение к детям при понимании амбивалентной оценки их как составляющей семьи и релевантного признака жизни в наци- ональном менталитете.

Идиоглосса «Семья» и ее репрезентанты

Ключевые понятия идиоглоссы «Семья» позволяют представить аксиологические ряды слов-признаков, репрезентирующих в языке Ф.М. Достоевского ее «явные» и «скры- тые» смыслы: *гармония – дисгармония, единство – противостояние* и т. д.:

(4) – Позвольте же отрекомендоваться вполне: моя **семья**, мои две дочери и мой сын...;

(5) ...И если отец в силах и в состоянии будет ответить и доказать ему, – то вот и настоящая **се- мья**, не на предвзвешенной лишь мистическом утвер- ждающаяся, а на основаниях разумных, самоотчет- ных и строго гуманных.

В романе «Братья Карамазовы» номина- ции *семья* Ф.М. Достоевский предпочитает сло- во *семейство* (в том числе в метонимическом значении ‘среда, пространство, место существо- вания и развития человека’). Помеченное как «устаревшее» в современных словарях, для пи- сателя именно оно было актуальным, о чем сви- детельствует количество контекстов с каждым из однокорневых слов: *семейство* (37) в рома- не почти в три раза превышает по числу упот- реблений слово *семья* (13), а проблематика и прагматические задачи книги первой «История одной семейки» обусловили использование иро- нического разговорного слова *семейка* для фор- мирования позиции реципиента текста в отно- шении образа Карамазовых, прежде всего – *отца семейства*. Фразеологизм *отец семей- ства* несет характеризующую нагрузку с пейо- ративной оценкой персонажа:

(6) Посмотрите на этого несчастного, разнуз- данного и развратного старика, этого «**отца семей- ства**», столь печально покончившего свое суще- ствование.

Наименее представлены взаимозаменя- емые номинанты *семья / семейство* во вто- рой части романа, а сцены суда в четвертой

части актуализируют слово *семья*, в семан- тике которого становятся значимыми потен- циальные семы ‘проблема’, ‘трагедия’, отра- жая миропонимание писателя.

Средства предикации, прежде всего гла- гольная лексика, в качестве контекстуальных партнеров слов *семья* и *семейство* (в очевид- ной идентичности их семантики в узусе в пери- од создания романа) позволяют Ф.М. Достоев- скому разносторонне раскрыть сущность поня- тия, портретировать свое представление о се- мье (как силе и первейшей из формирующих личность человека общественной среде). Се- мья / семейство – это то, чем человек *облада- ет* как достоянием:

(7) ...Пожилой и почтенный статский советник, **обладавший семейством** и взрослыми дочерьми;

или не имеет его:

(8) ...Но собственного **семейства** у того [дяди] **не было**.

Семья может стать обременением его част- ной жизни, подвести к бедности:

(9) ...Был в несчастьи, отставлен от службы, но не гласно, не по суду, сохранив всю свою честь, многочисленным **семейством обременен**...

Семья / семейство у Ф.М. Достоевско- го – та среда обитания, в которой человек может расти и формироваться как психологи- ческая, языковая, социальная личность:

(10) ...**Растут** они все-таки в **чужой семье** и на **чужих** милостях;

(11) ...Особенно полюбил младшего из них, Алексея, так что тот долгое время даже и **рос** в его **семействе**;

вести в ее рамках свою бытовую жизнь:

(12) В нижнем этаже **проживали** два женатые сына Самсонова со своими **семействами**...

Писатель дает представление о том, что кровные узы доминируют в формировании чув- ства родного (семейного), высвечивая в чело- веке его биологическое начало, что выражено субстантивным предикатом *помет* – ‘единовре- менный приплод некоторых животных’ (МАС):

(13) Позвольте же отрекомендоваться вполне: моя **семья**, мои две дочери и мой сын, – **мой помет-с**.

Семья / семейство по традиции объединяет всех под общим кровом:

(14) ...В знакомой уже нам **комнате**, в которой **обитало семейство** известного нам отставного штабс-капитана Снегирева...;

(15) Вообще **дом** был построен на **большую семью**, и господ и слуг можно было бы поместить впятеро больше...

Семья может включать людей, близких не только по крови, но и по душевной организации, основываться на широко понимаемом чувстве привязанности, когда некто «как родной» или «как бы родной»:

(16) Очутившись в доме своего благодетеля и воспитателя, Ефима Петровича Поленова, он до того **привязал к себе** всех в этом **семействе**, что его решительно считали там как бы за **родное** дитя;

на любви к ближнему, что присуще христианству:

(17) Почему не быть слуге моему как бы мне родным, так что **приму** его наконец в **семью** свою и возрадуюсь сему?

По Достоевскому, семья цементируется любовью и пониманием ее непреходящей ценности как основы общества:

(18) Но если отцеубийство есть предрассудок и если каждый ребенок будет допрашивать своего отца: «Отец, зачем я должен любить тебя?» – то что станет с нами, что станет с основами общества, куда денется **семья**?

Писатель использует элементы юридического дискурса, который эксплицирует его ценностные установки и в социальном масштабе – **семья** есть основа национального единства и своеобразия:

(19) Вспомните, что вы защитники правды нашей, защитники священной нашей России, ее основ, ее **семьи**, ее всего святого!

Отсюда следует и такое свойство настоящей семьи, как умение постоять за своих:

(20) Но к счастью, **вступилось семейство** Аделаиды Ивановны и ограничило хапугу.

Семья / семейство, по Достоевскому, действует, реагирует, проявляет себя естественным образом совокупно в различных ситуациях:

(21) И вот в это-то время, **семейством** его супруги **получилось известие** о смерти ее в Петербурге;

ср.:

(22) Проезд стоил очень недорого, и дамы не позволили ему заложить свои часы, – подарок **семейства** благодетеля пред отъездом за границу. Определенные семейные, родовые качества, в чем не сомневался писатель, обусловлены генетически или воспитанием, традициями, делом / бизнесом, даже общим проживанием, и об этом говорит смысловое наполнение контекстуальных партнеров рассматриваемых слов, например указание на приверженность греху сладострастия:

(23) Ведь в вашем **семействе сладострастие** до воспаления доведено.

Опыт автора и понимание им человеческой природы дали объективную возможность показать в романе на психолингвистической основе, что семейные узы и цементирующее их качество единства способны подвергаться внешним испытаниям:

(24) ...С **семьей** Ефима Петровича он **расстался** чуть ли не тринадцати лет, перейдя в одну из московских гимназий;

слабости природы людской, обуславливающие потерю привязанности, приводят к тому, что принадлежащее семье / семейству расплывается:

(25) Это мужик русский, труженик, своими мозолистыми руками заработанный грош сюда несет, **отрывая** его от семейства и от нужд государственных!;

(26) Своеобразный взгляд ваш на весь трагический эпизод, **разыгравшийся** в вашем семействе, уже известен нам по предварительному следствию.

Семья может отринуть кого-либо из своих членов (**проклятие честной семьи**). Писатель раскрыл трагические следствия семейного распада в образах романа. Характеристика **семейка** Ф.М. Достоевским ис-

пользуется для деградировавшей семьи Карамазовых.

Таким образом, идиоглосса «Семья» в языке Ф.М. Достоевского репрезентируется словами-признаками *гармония – дисгармония, единство – противостояние*. В тексте романа «Братья Карамазовы» передается миропонимание автора посредством актуализации слова *семья*, в семантике которого значимыми выступают потенциальные семы 'проблема', 'трагедия'.

Идиоглосса «Жизнь» и ее репрезентанты

Идиоглосса «Жизнь» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» репрезентируется аксиологическим рядом слов-понятий: *счастье – несчастье, смысл – бессмыслие* и др.:

(27) Несмотря на то, что семейство даже довольно скоро примирилось с событием и выделило беглянке приданое, между супругами началась самая беспорядочная **жизнь** и вечные сцены;

(28) Но действительно Федор Павлович всю **жизнь** свою любил представляться...;

(29) Когда она померла, мальчик Алексей был по четвертому году, и хоть странно это, но я знаю, что мать запомнил потом на всю **жизнь**...;

(30) ...Отцу, который всю **жизнь** его игнорировал... но все же всю **жизнь** боялся, что и сыновья, Иван и Алексей, тоже когда-нибудь придут да попросят денег.

Жизнь отражается в любом художественном тексте в многообразии своего проявления и формального выражения [Шаталова, Леденева, Алексеева, 2018]. В психолингвистических исследованиях слово *жизнь*, «обозначающее онтологическую, бытийную категорию» [Васильева, 2020, с. 32], фиксируется в языковом сознании.

Понятие 'жизнь' в своей структуре содержит множество смыслов: анализ синтагматических связей слова *жизнь* в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» обнаруживает, что жизнь представляет собой динамический процесс существования человека (*моя жизнь; его жизнь; ваша, наша жизнь*), наделенного телом и духом (*жизнь чрезвычайно тревожная и «кутящая», бесшабашная* противопоставлена *жизни пра-*

ведной, монастырской, добродетельной); жизнь – это процесс существования общества в целом и отдельных групп людей как представителей социума (*частная жизнь*):

(31) Это **моя частная жизнь**, и я не позволю вторгаться **в мою частную жизнь**.

Жизнь имеет смысл (*смысл жизни, главная цель жизни*), вызывает интерес (*взять от жизни все*), она определяется по специфическим для конкретного общества признакам, в качестве которых могут выступать национальные (*русская жизнь*), возрастные (*в двадцать лет жизни*), социальные (*холостая, вольная жизнь – брачная*). 'Жизнь' как витальное понятие связана с пространством и временем (*раз в жизни, раз или два в жизни, никогда в жизни, несколько раз в жизни – на всю жизнь; мгновение жизни – каждый день моей жизни; в последний день жизни, последний вечер жизни, последние часы жизни, роковые минуты его жизни, грустные минуты жизни, тягостные и роковые дни своей жизни, в предсмертную минуту жизни*). Жизнь в понимании автора и в рефлексиях его героев характеризуется смысловой целостностью, представляя собой замкнутый круг, где конец и начало совпадают (*завтра жизнь кончится и начнется; бесконечная жизнь*), где земное бытие переходит в неземное (*земная жизнь* противопоставлена *загробной, вечной, будущей, грядущей*):

(32) Помер, думал, что прямо во мрак и смерть, **ан перед ним – будущая жизнь**;

(33) **Жизнь моя земная соприкасается уже с новою, бесконечною, неведомою, но близко грядущею жизнью**, от предчувствия которой трепещет восторгом душа моя, сияет ум и радостно плачет сердце...

В жизни выделяются определенные фазы (*половина жизни – целая жизнь; вторая половина жизни, веселой жизни в молодости, конец жизни*), этапы (*прошлая жизнь – действительная – будущая жизнь*), отрезки (*обыкновенные случаи жизни – отличительные случаи жизни*).

С понятием 'жизнь' связаны образы, которые более полно и глубоко раскрывают смыслы, заложенные в слове (*жизнь – стра-*

дание, жизнь – свечка, жизнь – загадка, жизнь – рай):

(34) Ну и страдают, конечно, но... все же зато живут реально, не фантастически, ибо **страдание-то и есть жизнь**;

(35) Недаром же мы поэт, недаром же мы **прожигали нашу жизнь, как свечку** с обоих концов;

(36) О нет, нет, я не смею и подумать об этом, но **будущая жизнь – это такая загадка!** И никто-то, ведь никто на нее не отвечает! **Жизнь есть рай**, ибо стоит только нам захотеть понять, и тогда же он настанет во всей красоте своей, обнимем мы и заплачем.

В романе лексему *жизнь* сопровождают слова признакового характера, которые наполняют ее содержание уточняющими смыслами: *жизнь веселая, радостная, счастливая, новая, обновленная*. В качестве семантического сопровождения выступают и глагольные лексемы (*жизнь мелькнет, жизнь протекает, посягнуть на жизнь, лишит себя жизни, кончит жизнь, любить жизнь, спасти жизнь*), и имена существительные (*жажда жизни, полнота, жизни, счастье жизни, блага жизни, отращение к жизни, право на жизнь*).

Двойственность «загадочной русской души» показана Ф.М. Достоевским через оппозиции (*страшная школа жизни – счастливая жизнь*), автор представляет разрушительную силу жизни и в то же время ее созидательную мощь. Однако побеждает жизнеутверждающая основа, которая есть в каждом человеке:

(37) **Я жить хочу, я жизнь люблю! Жизнь люблю, слишком уж жизнь полюбил, так слишком, что и мерзко. Довольно! За жизнь, голубчик, за жизнь выпьем, за жизнь предлагаю тост!** Почему я доволен собой? Я подл, но доволен собой. **Что может быть дороже жизни! Ничего, ничего!** Ах, деточки, ах, милые друзья, **не бойтесь жизни! Как хороша жизнь**, когда что-нибудь сделаешь хорошее и правдивое!

Таким образом, в романе «Братья Карамазовы» идиоглосса «Жизнь» репрезентируется аксиологическим рядом слов с признаковым характером (*счастье – несчастье, смысл – бессмыслие*), уточняющими ее смысловое содержание (*страшная школа*

жизни – счастливая жизнь). В качестве слов-сопроводителей выступают глагольные и именные лексемы (*жизнь – мелькнет, протекает, любить, спасти, кончить, посягнуть на..., лишит себя...; жажда..., полнота..., счастье..., блага..., отращение к..., право на...*). Победу одерживает жизнеутверждающая сила, свойственная каждому человеку.

Результаты экспериментальной работы

В связи с тем, что идиоглоссы «Дети», «Семья», «Жизнь» отражают элементы языковой личности Ф.М. Достоевского, представляется перспективным исследование звукодержательного аспекта использованной им лексики с применением сервиса фоносемантического анализа слов [Бурская, 2016; Kolesnikova, Burskaya, Chibisova, 2020].

Слова *дети, мальчики* противопоставлены лексеме *солдаты* (см. пример (1)). Сравним фоносемантические признаки для указанных пар слов с тем, чтобы выявить, существует ли противопоставление звуковой содержательности данных контекстуальных антонимов: *мальчики* – нежный (2.36) – слабый (3.58) – безопасный (2.45) – (маленький) (3.24) – (женственный) (2.52) – (горячий) (2.59); *солдаты* – (грубый) (3.49) – (сильный) (2.6) – (устрашающий) (3.07) – большой (2.42) – мужественный (3.59) – холодный (3.53). Для слова *солдаты* оценка на 5-балльной шкале «нежный – грубый» (3.49) оказывается в нейтральной зоне (грубый – 3.49; ее диапазон – от 2.5 до 3.5), и интересующий нас признак определяется программой как «не выражен». Однако при сопоставлении этой оценки с результатом для оппозиита «мальчики» (2.36 – нежный) становится очевидным, что оценка (3.49) оказывается на противоположной стороне шкалы, тяготеет к признаку «грубый», что дает нам основание говорить о поддержке значения звучанием внутри каждой лексемы и, в свою очередь, о противопоставлении звучания не только по понятийному признаку (они обычно описываются толковыми словарями), но и по фоносемантическому для этих окказиональных антонимов. Типичная фоносемантическая картина устанавливается и по другим шкалам (признаки,

оценки которых попали в нейтральную зону, выделены скобками).

Для контекстуальных антонимов *дети – солдаты* получены следующие оценки: *дети* – маленький (3.72) – женственный (2.5) – горячий (2.46); *солдаты* – большой (2.42) – мужественный (3.59) – холодный (3.53).

При сравнении оценок (качественно-количественных показателей, «градусов») звукодержательности для данной пары лексем очевидно противопоставление языковых единиц в фоносемантическом аспекте, то есть обнаруживается поддержка значения звучанием в каждом из этих слов.

Синонимы *дети – народ, ангелы* (по Ф.М. Достоевскому) окказиональные и противопоставляются по смыслу содержанию лексемы *безжалостный*. Все качественно-количественные (градуальные) характеристики анализируемых слов находятся в полной гармонии друг с другом; *народ* – хороший (2.25), большой (1.9), активный (2.42), сильный (2.01), красивый (2.44), громкий (2.12), храбрый (2.11), могучий (2.03); *ангелы* – ни один из признаков не находится в значимой зоне; все характеристики – в зоне «не выражено». Ф.М. Достоевский противопоставляет данным лексемам (внутри идиоглоссы «Дети») прилагательное *безжалостный* как окказиональный антоним, см.: в значимой зоне оказывается только одна шкала «веселый»; все остальные признаки находятся в нейтральной зоне, не выражены. Фоносемантическая характеристика этого слова не проявлена, за исключением шкалы «веселый». В рассматриваемую идиоглоссу можно включить противопоставление *дети – взрослые, старики*. Ср. их фоносемантику: *дети* – маленький (3.72), светлый (2.34), активный (2.28), веселый (2.35), добрый (1.83); *старики* – маленький (3.69), слабый (3.77), низменный (3.52), тихий (3.76), хилый (3.67); *взрослые* – большой (2.18), грубый (3.56), мужественный (3.74), сильный (2.1), величественный (2.33), могучий (2.22). Таким образом, обнаруживается соответствие между звучанием и значением.

В приведенном выше лингвистическом материале выделяются противопоставления: *богатый – бедный* и *возвышающиеся – униженные*. Ср. *бедный* – на большинстве признаков градуальных шкал оценки фоносе-

мантики для этой лексемы оказываются в нейтральной зоне и квалифицируются как «не выражено», но при объединении этих слов в антонимичную пару *бедный – богатый* четко проявляется их противопоставление не только по понятийному, но и фоносемантическому аспекту с поддержкой значения звучанием. На основе качественно-количественных характеристик на градуальной фоносемантической шкале оценок определяются фоносемантические отношения – (не)поддержание значения звучанием.

Фоносемантические отношения в анализируемой паре антонимов *богатый – бедный* демонстрируют поддержку значения звучанием. Для описания звуковой содержательности лексемы *богатый* выделены следующие признаки: большой (2.29) – грубый (3.82) – активный (2.48) – сильный (2.37) – величественный (2.47) – могучий (2.07) – яркий (2.41). Оценки по указанным шкалам находятся в значимых зонах и демонстрируют гармоничные отношения между всеми аспектами лексического значения слова. При сопоставлении данных по градуальным шкалам в паре *богатый – бедный* обнаруживаются гармоничные отношения по всем признакам, несмотря на то что большинство оценок для слова *бедный* оказались в нейтральной зоне и определяются «нев्यраженными», и только при соединении данных лексем в антонимичную пару возникает фоносемантическая антонимия. По ряду признаков, несмотря на то что оценки практически по всем шкалам оказались в нейтральной зоне, внутри нее наблюдается слабая тенденция к противоречию между звучанием и значением по шкалам «большой – маленький», «активный – пассивный», «сильный – слабый», «могучий – хилый», в целом реализуется тенденция к поддержке значения звучанием. Это присуще шкале «великий – низменный». Поскольку фоносемантика двух указанных слов слабо выражена, полагаем, что автором использованы данные антонимы-окказионализмы в качестве дополнительных, а не основных противопоставлений.

В паре окказиональных антонимов *возвышающиеся – униженные* по ряду признаков, несмотря на то что практически по всем градуальным шкалам оценки оказались в нейтральной зоне, наблюдается слабая тенден-

ция к противоречию между звучанием и значением: шкалы «большой – маленький», «активный – пассивный», «сильный – слабый», «могучий – хилый».

Следующую значимую для понимания смыслов идиоглоссы «Дети» антонимическую пару в тексте представляют определительные наречия *вместе – порознь*, которые градуируются и выполняют функцию «указания на степень величины признака или оценку признака субъекта речи» [Колесникова, 2016, с. 116]. Согласно словарю антонимов, у лексемы *вместе* наличествуют четыре оппозиции: *врозь, порознь, отдельно, раздельно* (Львов). Ф.М. Достоевский предпочел употребить лексему *порознь*. Оценки звукодержательности у представленных оппозиций оказались в нейтральной зоне, то есть не выражены, за исключением шкал «мужественный» и «страшный» для слова *порознь*. Фоносемантические оценки для лексемы *вместе* оказываются в нейтральной зоне, что может интерпретироваться одним признаком – «не выражен». И только при соединении этих слов в пару может обнаруживаться слабая тенденция к поддержке понятийной антонимии еще и антонимией фоносемантической, однако разнесенность оценок на шкалах по всем выделенным нами признакам минимальна.

Итак, фоносемантические характеристики лексем, выявленные нами при анализе идиоглоссы «Дети», позволяют сделать вывод о том, что Ф.М. Достоевский употребляет не только устоявшиеся, но и окказиональные антонимы; авторский текст отличает психологически, глубоко мотивированный подбор антонимической лексики, причем явно прослеживается соответствие между звучанием и значением слов, что, возможно, помогает читателю воспринимать текст более эмоционально, а автору – имплицитно выдвинуть оценку.

В идиоглоссу «Семья» включается пара *гармония – дисгармония*, дифференцированная префиксом, что детерминирует следующую картину: *гармония* – большой (2.43), мужественный (3.84), сильный (2.23), простой (2.43), могучий (2.34); *дисгармония* – яркий (2.46), активный (2.49), добрый (2.4). Проявляется соответствие между звучанием и значением. Очевидного противопоставления не наблюдается.

В паре *единство – противостояние* наблюдается следующая картина: *единство* – хороший (2.26), светлый (2.31), простой (2.33), красивый (2.37). Внутри слов обнаруживается гармония между звучанием и значением. См.: *противостояние* – в значимой зоне только одна характеристика «простой» (2.47). Проявляется тенденция к поддержке значения звучанием. В паре *эмоциональный – рациональный* устанавливаются следующие характеристики: *эмоциональный* – хороший (2.43), большой (2.27), красивый (2.41), безопасный (2.48); *рациональный* – мужественный (3.57), холодный (3.52). Проявляется соответствие между звучанием и значением.

Фоносемантический анализ лексемы *жизнь* выявляет следующую картину: из 25 шкал оценки только четыре цифровых показателя попадают в значимую зону: храбрый (2.26), злой (3.65), шероховатый (3.91) и страшный (3.72). По остальным градуальным шкалам оценки оказались в нейтральной зоне и характеризуются как «невыраженные». Ср.:

(35) Боже мой! Целая минута блаженства! Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую? (Достоевский. Белые ночи).

А.Е. Кунильский пишет о смысловом равенстве этого сложного понятия *бессмертию* [Кунильский, 2007]. Данное понятие вербализуют и лексемы с корнем *-жи-*: *живой, живознание, «живите больше»* (имеется в виду цитата из романа «Бесы», принадлежащая Степану Трофимовичу Верховенскому).

Поскольку фоносемантически слово *жизнь* отражает напряженную, почти лишенную радости и наполненную драматизмом содержательную сторону соответствующего понятия практически во всех произведениях Ф.М. Достоевского – «храбрый, злой, шероховатый, страшный», то считаем важным высказать утверждение о том, что звуковая содержательность лексем рассматриваемого ряда находится в полном соответствии с идейным содержанием повествований автора и с его представлением о жизни в целом. В.В. Зеньковский, характеризуя мировоззрение Ф.М. Достоевского, упоминает: «Зло в человеке, зло в истории, мировые страдания могут ли быть... оправданы и приняты? <...> ...Достоевский не со стороны, а изнутри но-

сил в себе и всю проблематику культуры, все ее мечты и идеалы, ее вдохновения и радости, ее правду и неправду» [Зеньковский, 1991, с. 226].

Сравним звуко содержание лексем *живой* и *живознание*. *Живой*: большой (2.48), грубый (3.74), сложный (3.61), отталкивающий (3.58), страшный (3.84), храбрый (2.1), злой (3.77), могучий (2.36); *живознание*: большой (2.47), грубый (3.56), тяжелый (3.53), страшный (3.73), храбрый (2.18), злой (3.6), могучий (2.46).

Фоносемантически слова весьма объемны и передают драматизм понятийной содержательности текстов Ф.М. Достоевского, что проявляет тенденцию к гармонизации языкового знака на всех его уровнях, включая понятийный и звуко содержательный.

Живая жизнь, как уже упоминалось выше, в каком-то смысле приравнивается писателем в его произведениях к одному из значений слова *бессмертие*, звуко содержательность которого стерта, не так насыщена: безопасный (2.44), веселый (2.32); оценки по остальным шкалам оказались в нейтральной зоне; градуальная шкала оценок характеризуется невыраженностью признака.

Наличием префикса *бес-* отличается и другая пара аксиологических понятий идиоглоссы «Жизнь» – «смысл – бессмыслие». Данный префикс, хотя с трудом можно предположить его большое влияние на изменение фоносемантической картины данного слова, тем не менее позволил значительно уменьшить количество выраженных признаков на оценочных шкалах для второго компонента антонимичной пары. Например, слово *смысл* фоносемантически весьма содержательно, и в значимую зону попадают признаки по всем 25 шкалам: хороший (1.86), большой (1.83), светлый (1.64), активный (1.9), сильный (1.75), простой (1.84), быстрый (1.92), безопасный (1.75), величественный (1.9), яркий (2.08), добрый (2.14), могучий (1.79), подвижный (2.13). У его антонима *бессмыслие* в значимой зоне есть оценки только по 12 шкалам, а остальные признаки не выражены; в значимой зоне не представлены, например, признаки «большой, активный, сильный, красивый, величественный, храбрый, могучий». Хотя на шкалах остальные признаки в данной антонимической паре не измени-

лись и являются идентичными, их цифровые показатели для слова *бессмыслие* смещаются к нейтральной зоне, что дает основание утверждать наличие тенденции к соответствию звучания и значения и в данной паре оппозитивов.

Антонимы *счастье – несчастье* также реализуют идиоглоссу «Жизнь». «Счастье не в счастье, а лишь в его достижении», – утверждал Ф.М. Достоевский (Достоевский. Дневник писателя).

Фоносемантические оценки для лексемы *счастье* позволяют говорить о соответствии между звучанием и значением: нежный (2.43), светлый (2.2), активный (2.5), простой (2.35), легкий (2.09), веселый (2.46).

Оппозит *несчастье* отличает лишь наличие префикса *не-*, что тем не менее лишило данную лексему в паре *счастье – несчастье* значимых оценок по шкалам «активный – пассивный», «простой – сложный», «веселый – грустный»: оценки по градуальным шкалам оказываются в нейтральной зоне и характеризуются как невыраженные, то есть стираются, нивелируются в коллективном бессознательном. Однако в значимых зонах оказались признаки «хороший (2.46), красивый (2.29), безопасный (2.25), добрый (2.24)», что говорит об отсутствии поддержки значения звучанием, о противоречии между ними. Для объяснения этого факта необходимо обратиться к этимологии данного слова: *счастье* – «первонач. доля, совместное участие (: СЪ)» (Фасмер, с. 186). Иными словами, отсутствие «доли» в совместном участии не является драматичным фактом в сознании носителей языка, поэтому и содержательность звучания данной лексемы характеризуется весьма позитивно: хороший (2.46), светлый (2.36), красивый (2.29), безопасный (2.25), добрый (2.24).

Проведенный звуко содержательный анализ использованной автором лексики (звуковой оболочки слов) не только передает психолингвистические особенности языковой личности писателя и его индивидуальную языковую картину мира, но и демонстрирует гармонизацию знака языка, что отразилось в подборе повествователем именно данных единиц идиолекта: в целом все аспекты их значения находятся в соответствии друг с другом (звучание поддерживает значение).

Заключение

Смыслы трех важных идиоглосс романа «Братья Карамазовы» – «Дети», «Семья», «Жизнь» – рассмотрены через их репрезентации не только посредством слов, но и посредством их фоносемантических характеристик, воплощающих важные для автора смыслы. Проведенный комплексный анализ использованной автором лексики, представляющей каждую идиоглоссу, показал, что и лексические значения репрезентантов, и их фоносемантическая специфика отражают психолингвистические черты языковой личности писателя, его феноменальность, обрисовывая идиолект, при этом контекст демонстрирует гармонизацию природы языкового знака, что оценивается по подбору точных лексем, входящих в рассмотренные идиоглоссы: 1) идиоглосса «Дети» представлена аксиологическими понятиями, языковые средства репрезентации которых определяют мотив «оборванного детства» и дают новую качественную характеристику детства (гибельность раннего взросления); образ детей приближен к образу Христа; 2) идиоглосса «Семья» репрезентируется словами-признаками, в семантике которых значимыми выступают потенциальные семы 'проблема', 'трагедия', передающие миропонимание повествователя; 3) идиоглосса «Жизнь» репрезентируется аксиологическим рядом глагольных и именных слов, уточняющих ее смысловое содержание и передающих жизнеутверждающую силу, свойственную человеку.

Точное прочтение и акцентуация тех или иных смыслов романа Ф.М. Достоевского обеспечивается звукодержательностью использованной писателем лексики. Значимость звуковой оболочки конкретных репрезентантов проявляется прежде всего в отборе единиц и их синтагматических партнеров. Внутренние (психолингвистические) установки авторского выбора лексики, образующей идиоглоссы, указывают на стремление писателя найти адекватные его языковой картине мира средства репрезентации нужных для воплощения замысла романа «Братья Карамазовы» смыслов – явных, актуализируемых или порождаемых различными ассоциациями. Благодаря реализации этих установок все аспекты значения таких единиц гармонизируются в контексте: звучание поддержи-

вает значение, а смыслы 'дети', 'семья', 'жизнь' раскрываются как взаимозависимые, что позволяет судить об обусловленности данной связи спецификой языковой личности автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1994. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М. : Наука. С. 302–316.
- Бурская Е. А., 2016. Фоносемантические оппозиции в творчестве поэтов Серебряного века (на материале поэтических текстов Игоря Северянина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». № 4. С. 18–26.
- Варзин А. В., 2014. Идеологический знак в полифоническом контексте: Достоевский о свободе вечной и преходящей // IV Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, 14–18 дек. 2012 г.) : избр. докл. и тез. М. : Фонд Достоевского. С. 350–356.
- Васильева С. П., 2020. Опыт выявления специфики обыденного языкового сознания русских по данным ассоциативных словарей XX–XXI веков // Научный диалог. № 1. С. 27–44.
- Выготский Л. С., 1987. Психология искусства. М. : Педагогика. 345 с.
- Гиндин С. И., 2014. От писательской лексикографии – к текстологии писателя. В.Я. Брюсов и супруги Бальмонты в работе над «Пушкинским словарем» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 73, № 1. С. 37–50.
- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев Д. Н., 2005. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Яз. слав. культуры. 544 с.
- Зеньковский В. В., 1991. История русской философии. В 2 т. Т. 1. Ч. 2. Л. : Эго. С. 226–227.
- Кожевникова Н. А., 1991. Система точек зрения в романах Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» // Русский язык в СССР. № 11. С. 31–37.
- Кожевникова Н. А., 2001а. «Давеча» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и современность : материалы XV Междунар. Старорусских чтений 2000 г. Старая Русса : Изд-во Новгор. гос. объедин. музея-заповедника. С. 96–101.
- Кожевникова Н. А., 2001б. Сквозные слова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Слово Достоевского. 2000 : сб. ст. М. : Азбуковник. С. 146–171.
- Кожевникова Н. А., 2002. Сравнения и метафоры Ф.М. Достоевского // Достоевский и современность.

- менность : материалы XVI Междунар. Старо-русских чтений 2001 г. (Старая Русса, 23–26 мая 2001 г.). Старая Русса : Дом-музей Достоевского. С. 123–124.
- Колесникова С. М., 2016. Градуальность: связи и отношения в системе русского языка : монография. 2-е изд., испр. М. : ФЛИНТА. 231 с.
- Колесникова С. М., 2019. Идиоглоссы «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Русский язык: исторические судьбы и современность : VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2019) : тр. и материалы / под ред. М. Л. Ремневой, О. В. Кукушкиной. М. : Изд-во Моск. ун-та. С. 239–240.
- Кунильский А. Е., 2007. О возникновении концепта «Живая жизнь» у Ф.М. Достоевского // Вестник Новгородского государственного университета. № 44. С. 72–73.
- Леденева В. В., 2015. Слово Лескова. М. : ИИУ МГОУ. 260 с.
- Леонтьев А. А., 1965. Слово в речевой деятельности. М. : Изд-во АН СССР. 246 с.
- Леонтьев А. А., 1969. Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М. : Изд-во МГУ, 1969. С. 56–61.
- Леонтьев А. А., 2007. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. 4-е изд., стер. М. : КОМКНИГА. 312 с.
- Пешковский А. М., 1956. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М. : Учпедгиз. 512 с.
- Русская авторская лексикография XIX–XX веков : Антология, 2003 / отв. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. М. : Азбуковник. 512 с.
- Сигал К. Я., 2010. Словосочетание как лингвистическая и психолингвистическая единица / отв. ред. В. А. Виноградов. М. : Ключ-С. 92 с.
- Сорокин Ю. А., 1978. Взаимодействие реципиента и текста: теория и практика // Функционирование текста в лингвокультурной общности. М. : Ин-т языкознания. С. 67–102.
- Сорокин Ю. А., 1985. Психолингвистические аспекты изучения текста. М. : Наука. 168 с.
- Столяр Е. Д., 2019. Формирование смыслов оценочного характера в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 2. С. 41–48.
- Уфимцева А. А., 1968. Слово в лексико-семантической системе языка. М. : Наука. 272 с.
- Харина О. В., 2007. Правда, истина в романах Ф.М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 28 с.
- Шаталова О. В., Леденева В. В., Алексеева Л. Ф., 2018. Сопоставительное изучение и преподавание русского языка как иностранного: лингвистический, литературоведческий и лингводидактический аспекты / отв. ред. О. В. Шаталова. М. : ИИУ МГОУ. 184 с.
- Шепелева С. Н., 2001. Лексема «Душа» в творчестве Достоевского: особенности словоупотребления // Слово Достоевского. Идиостиль и картина мира. М. : ЛЕКСПУС. С. 488–539.
- Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования, 2016 : сб. науч. ст. по материалам Междунар. конф. памяти Н.А. Кожевниковой. М. : Азбуковник. 795 с.
- Kolesnikova S., Burskaya E., Chibisova A., 2020. The Concept “Family” in the Russian and Chinese Linguoculture: Cognitive, Phonosemantic and Educational Aspects // Revista Inclusiones: Trabajo En Eguiposin Tronteras / Revista de Humanidades y Ciencias Sociales. Vol. 7. Numero Especial. P. 658–673.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Достоевский Ф. М. Белые ночи // Полное собрание сочинений : в 12 т. М. : Правда, 1982. Т. 1. С. 161–212.
- Достоевский Ф. М. Бесы // Полное собрание сочинений : в 12 т. М. : Правда, 1982. Т. 8. С. 5–442. Т. 9. С. 5–214.
- Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Полное собрание сочинений : в 12 т. М. : Правда, 1982. Т. 11. С. 5–620 ; Т. 12. С. 5–314.
- Львов – Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / под ред. Л. А. Новикова. М. : Рус. яз., 1985. 384 с.
- МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. 4 т. URL: <http://febweb.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp> (дата обращения: 25.05.2019).
- Сервис фоносемантического анализа слов. URL: psitechnology/net/servisfonosemantika/php (дата обращения: 25.05.2019).
- Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий / под ред. Ю. Н. Караулова. М. : Азбуковник, 2008– . А–В. 2008. 961, [1] с.; Г–З. 2010. 1048, [2] р.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. СПб. : Терра-Азбука, 1996. Т. 3. 832 с.

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1994. Istina i sudba [Truth and Fate]. *Ponyatie sudby v kontekste raznykh kultur* [Concept of Fate in the Context of Different Cultures]. Moscow, Nauka Publ., pp. 302-316.

- Burskaya E.A., 2016. Fonosemanticheskie oppozitsii v tvorchestve poetov Serebryanogo veka (na materiale poeticheskikh tekstov Igorya Severyanina [Phono-Semantic Oppositions in the Poetry of the Silver Age (Basing on I. Severyanin's Works)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya Filologiya»* [Bulletin of the MSRU. Series: Russian Philology], no. 4, pp. 18-26.
- Varzin A.V., 2014. Ideologicheskiy znak v polifonicheskom kontekste: Dostoevskiy o svobode vechnoy i prekhodyashchey [An Ideological Sign in a Polyphonic Context: Dostoevsky on Eternal and Transitory Freedom]. *IV Mezhdunarodnyy simpozium «Russkaya slovesnost v mirovom kulturnom kontekste» (Moskva, 14–18 dek. 2012 g.): izbr. dokl. i tez.* [IV International Symposium “Russian Literature in the World Cultural Context” (Moscow, December 14–18, 2012). Selected Papers and Abstracts]. Moscow, Fond Dostoevskogo, pp. 350-356.
- Vasileva S.P., 2020. Opyt vyyavleniya spetsifiki obydenного yazykovogo soznaniya russkikh po dannym assotsiativnykh slovarey XX–XXI vekov [Experience of Identifying the Specifics of Everyday Linguistic Consciousness of Russians according to Associative Dictionaries of the XX–XXI Centuries]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], no. 1, pp. 27-44.
- Vygotskiy L.S., 1987. *Psikhologiya iskusstva* [The Psychology of Art]. Moscow, Pedagogika Publ. 345 p.
- Gindin S.I., 2014. Ot pisatel'skoj leksikografii – k tekstologii pisatelya. V.Ya. Bryusov i suprugy Bal'monty v rabote nad «Pushkinskim slovarem» [From Author Lexicography to Textology: V.Y. Bryusov and Balmonts Working at the Pushkin Dictionary]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], vol. 73, no. 1, pp. 37-50.
- Zaliznyak Anna A., Levontina I.B., Shmelev D.N., 2005. *Klyuchevye idei russkoj yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ. 544 p.
- Zenkovskiy V.V., 1991. *Istoriya russkoj filosofii. V 2 t. T. 1. Ch. 2* [The History of Russian Philosophy. In 2 Vols. Vol. 1. Pt. 2]. Leningrad, Ego Publ., pp. 226-227.
- Kozhevnikova N.A., 1991. Sistema toчек zreniya v romanakh Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» i «Bratya Karamazovy» [The System of Points of View in Dostoevsky's Novels “Crime and Punishment” and “The Brothers Karamazov”]. *Russkiy yazyk v SSSR* [Russian Language in the USSR], no. 11, pp. 31-37.
- Kozhevnikova N.A., 2001a. «Davecha» v romane F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» [“Davecha” in the Novel by F.M. Dostoevsky “Crime and Punishment”]. *Dostoevskiy i sovremennost: materialy XV Mezhdunar. Starorusskikh chteniy 2000 g.* [Dostoevsky and Modernity: Proceedings of the 15th International Congress. Old Russian Readings 2000]. Staraya Russa, Izd-vo Novgorodskogo gosudarstvennogo obyedinennogo muzeya-zapovednika, pp. 96-101.
- Kozhevnikova N.A., 2001b. Skvoznye slova v romane F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» [Through Words in F.M. Dostoevsky's Novel “Crime and Punishment”]. *Slovo Dostoevskogo. 2000: sb. st.* [Dostoevsky's Word. 2000. Collection of Articles]. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 146-171.
- Kozhevnikova N.A., 2002. Svrneniya i metafory F.M. Dostoevskogo [Comparisons and Metaphors of F.M. Dostoevsky]. *Dostoevskiy i sovremennost: materialy XVI Mezhdunar. Starorusskikh chteniy 2001 g.* [Dostoevsky and Modernity. Proceedings of the 16th International Staraya Russa Readings 2001]. Staraya Russa, Dom-muzey Dostoevskogo, pp. 123-124.
- Kolesnikova S.M., 2016. *Gradualnost: svyazi i otnosheniya v sisteme russkogo yazyka: monografiya* [Graduality: Connections and Relations in the System of the Russian Language. Monograph]. Moscow, FLINTA Publ. 231 p.
- Kolesnikova S.M., 2019. Idioglossy «Deti», «Semya», «Zhizn» v romane F.M. Dostoevskogo «Bratya Karamazovy» [Idioglossia “Children,” “Family,” “Life” in the novel of F.M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”]. Remneva M.L., Kukushkina O.V., eds. *Russkiy yazyk: istoricheskie sudby i sovremennost: VI Mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka (Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova, 20–23 marta 2019): tr. i materialy* [Russian Language: Historical Development and Modern Times. 6th International Congress of Russian Language Researchers (Moscow, Lomonosov Moscow State University, March 20–23, 2019. Proceedings and Materials]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, pp. 239-240.
- Kunilskiy A.E., 2007. O vozniknovenii kontsepta «Zhivaya zhizn» u F.M. Dostoevskogo [On the Origin of the Concept “Living Life” in F.M. Dostoevsky]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 44, pp. 72-73.

- Ledeneva V.V., 2015. *Slovo Leskova* [Leskov's Word]. Moscow, IJU MGOU. 260 p.
- Leontev A.A., 1965. *Slovo v rechevoy deyatelnosti* [The Word in Speech Activity]. Moscow, Izd-vo AN SSSR. 246 p.
- Leontev A.A., 1969. Smysl kak psikhologicheskoe ponyatie [Meaning as a Psychological Concept]. *Psikhologicheskie i psikholingvisticheskie problemy vladeniya i ovladeniya yazykom* [Psychological and Psycholinguistic Problems of Language Proficiency and Mastery]. Moscow, Izd-vo MGU, pp. 56-61.
- Leontev A.A., 2007. *Psikholingvisticheskie edinitsy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya* [Psycholinguistic Units and the Generation of Speech Utterance]. Moscow, KOMKNIGA Publ. 312 p.
- Peshkovskiy A.M., 1956. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow, Uchpedgiz. 512 p.
- Karaulov Yu.N., ed., 2003. *Russkaya avtorskaya leksikografiya XIX–XX vekov: Antologiya* [Russian Author's Lexicography of the 19th – 20th Centuries: Anthology]. Moscow, Azbukovnik Publ. 512 p.
- Sigal K.Ya., 2010. *Slovosochetanie kak lingvisticheskaya i psikholingvisticheskaya edinitsa* [The Phrase as a Linguistic and Psycholinguistic Unit]. Moscow, Klyuch-S Publ. 92 p.
- Sorokin Yu.A., 1978. Vzaimodeystvie retsipienta i teksta: teoriya i praktika [Interaction of the Recipient and the Text: Theory and Practice]. *Funktsionirovanie teksta v lingvokulturnoy obshchnosti* [Functioning of the Text in the Linguistic and Cultural Community]. Moscow, Institut yazykoznaniiya, pp. 67-102.
- Sorokin Yu.A., 1985. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya teksta* [Psycholinguistic Aspects of Text Study]. Moscow, Nauka Publ. 168 p.
- Stolyar E.D., 2019. Formirovanie smyslov ocenochного kharaktera v yazyke [Value Meanings Creation in Language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], iss. 2, pp. 41-48.
- Ufimceva A.A., 1968. *Slovo v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [The Word in the Lexico-Semantic System of the Language]. Moscow, Nauka Publ. 272 p.
- Harina O.V., 2007. *Pravda, istina v romanakh F.M. Dostoevskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Truth, Verity in the Novels of F.M. Dostoevsky. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 28 p.
- Shatalova O.V., Ledeneva V.V., Alekseeva L.F., 2018. *Sopostavitelnoe izuchenie i prepodavanie russkogo yazyka kak inostrannogo: lingvostilisticheskii, literaturovedcheskii i lingvodidakticheskii aspekty* [Russian as a Foreign Language: Comparative Study and Teaching of the Russian Language as a Foreign Language: Linguo-Stylistic, Literary and Linguo-Didactic Aspects]. Moscow, IJU MGOU. 184 p.
- Shepeleva S.N., 2001. Leksema «Dusha» v tvorchestve Dostoevskogo: osobennosti slovoupotrebleniya [The Lexeme “Soul” in the Work of Dostoevsky: Features of Word Usage]. *Slovo Dostoevskogo. Idiostil i kartina mira* [Dostoevsky's Word. Idiostyle and Picture of the World]. Moscow, LEKSRUS Publ., pp. 488-539.
- Yazyk khudozhestvennoy literatury: traditsionnye i sovremennye metody issledovaniya: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. konf. pamyati N.A. Kozhevnikovoy* [The Language of Fiction: Traditional and Modern Research Methods, 2016: Collection of Scientific Articles Based on the Proceedings of the International Conference in Memory of N.A. Kozhevnikova], 2016. Moscow, Azbukovnik Publ. 795 p.
- Kolesnikova S., Burskaya E., Chibisova A., 2020. The Concept “Family” in the Russian and Chinese Linguoculture: Cognitive, Phonosemantic and Educational Aspects. *Revista Inclusiones: Trabajo En Eguiposin Tronteras / Revista de Humanidades y Ciencias Sociales. Vol. 7. Numero Especial*, pp. 658-673.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Dostoevskiy F.M. Belye nochi [White Nights]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 12 t.* [Complete Works. In 12 Vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1982, vol. 1, pp. 161-212.
- Dostoevskiy F.M. Besy [Demons]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 12 t.* [Complete Collection of Works. In 12 Vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1982, vol. 8, pp. 5-442; vol. 9, pp. 5-214 p.
- Dostoevskiy F.M. Bratya Karamazovy [The Brothers Karamazov]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 12 t.* [Complete Collection of Works. In 12 Vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1982, vol. 11, pp. 5-620; vol. 12, pp. 5-314.
- Lvov M.R. *Slovar antonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Antonyms of the Russian Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985. 384 p.
- Evgeneva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. URL: <http://feb->

web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp (accessed 25 May 2019).
Servis fonosemanticheskogo analiza slov [Service of Phonosemantic Analysis of Words]. URL: psitechnology/net|servisfonosemantika/php (accessed 25 May 2019).
 Karaulov Yu.N., ed. *Slovar yazyka Dostoevskogo. Idioglossariy* [Dictionary of the Dostoevsky

Language. Idioglossary]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008– . A–V, 2008. 961, [1] p.; G–Z, 2010. 1048, [2] p.
 Fasmer M. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Saint Petersburg, Terra-Azbuka Publ., 1996, vol. 3. 832 p.

Information About the Authors

Svetlana M. Kolesnikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St, 1, Bld. 1, 119991 Moscow, Russia, asya28@list.ru, SPIN-code: 8449-0514, <https://orcid.org/0000-0002-8640-0974>

Elena A. Burskaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and Speech Culture, Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny Lane, 36, 117997 Moscow, Russia, burlena12@yandex.ru, SPIN-code: 4357-1980, <https://orcid.org/0000-0001-5167-365X>

Olga V. Shatalova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Slavic Philology, Dean, Faculty of Russian Philology, Moscow State Regional University, Fridrikha Engelsa St, 21a, 105005 Mytishchi, Russia, olshatalova@rambler.ru, SPIN-code: 7917-6050, <https://orcid.org/0000-0002-2937-997X>

Valentina V. Ledeneva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Modern Russian named after Professor P.A. Lekant, Moscow State Regional University, Fridrikha Engelsa St, 21a, 105005 Mytishchi, Russia, ledenevavv@yandex.ru, SPIN-code: 5574-4989, <https://orcid.org/0000-0002-3795-6861>

Информация об авторах

Светлана Михайловна Колесникова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, 119991 г. Москва, Россия, asya28@list.ru, SPIN-код: 8449-0514, <https://orcid.org/0000-0002-8640-0974>

Елена Алексеевна Бурская, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, пер. Стремянный, 36, 117997 г. Москва, Россия, burlena12@yandex.ru, SPIN-код: 4357-1980, <https://orcid.org/0000-0001-5167-365X>

Ольга Викторовна Шаталова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянской филологии, декан факультета русской филологии, Московский государственный областной университет, ул. Фридриха Энгельса, 21а, 105005 г. Мытищи, Россия, olshatalova@rambler.ru, SPIN-код: 7917-6050, <https://orcid.org/0000-0002-2937-997X>

Валентина Васильевна Леденева, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка им. профессора П.А. Леканта, Московский государственный областной университет, ул. Фридриха Энгельса, 21а, 105005 г. Мытищи, Россия, ledenevavv@yandex.ru, SPIN-код: 5574-4989, <https://orcid.org/0000-0002-3795-6861>